

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКОГО СЕЛА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С. Д. ЛИН¹⁾, Л. Е. ТИХОНОВА²⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются современные тенденции и специфика развития демографического потенциала белорусского села на основе обобщения статистических данных. Изучаются особенности протекания социально-демографических процессов сельских населенных пунктов. Выявляются основные проблемы формирования демографического потенциала села, предлагается система мер по их решению.

Ключевые слова: демографический потенциал; сельская местность; воспроизводство населения.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE BELARUSIAN VILLAGE: STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

S. D. LIN^a, L. E. TIHONOVA^b

^aFrancisk Skorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: S. D. Lin (svetlana.lin@list.ru)

The article is devoted to the analysis of modern trends and features of the development of demographic potential in rural Belarus on the basis of generalisation of statistical data. The peculiarities of the socio-demographic processes of rural settlements are studied. The main problems of the formation of the rural demographic potential are identified, a system of measures to solve them is proposed.

Keywords: demographic potential; rural areas; population reproduction.

Образец цитирования:

Лин СД, Тихонова ЛЕ. Демографический потенциал белорусского села: состояние и перспективы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика*. 2022;1:38–47.

For citation:

Lin SD, Tihonova LE. Demographic potential of the Belarusian village: state and development prospects. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2022;1:38–47. Russian.

Авторы:

Светлана Дмитриевна Лин – старший преподаватель кафедры экономики и управления экономического факультета.

Людмила Ефимовна Тихонова – доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры международного менеджмента экономического факультета.

Authors:

Svetlana D. Lin, senior lecturer at the department of economics and management, faculty of economics.

svetlana.lin@list.ru

Ludmila E. Tihonova, doctor of science (economics), full professor; professor at the department of international management, faculty of economics.

tihonovale@mail.ru

Введение

В настоящее время восстановление села, его социальной и производственной сфер является важной частью общегосударственных процессов стабилизации и устойчивого развития экономики. Системное решение комплекса проблем по развитию села, выработка сбалансированной государственной аграрной и социальной политики должны проводиться с учетом интересов работников сельских территорий. В связи с этим необходимо развивать человеческий капитал [1, с. 125], основой которого является демографический потенциал.

Демографический потенциал, особенности его формирования, накопления и развития актуальны для зарубежных и отечественных ученых и экономистов. В XIX в. Р. Мальтус, Т. Фэрр и Э. Энгель пытались оценить демографический потенциал через стоимость производства и заработков. Французский исследователь А. Сови предложил абстрагироваться от измерения общественных проблем в денежном эквиваленте, поскольку развитие человеческого потенциала является основой подлинного богатства социума [2, с. 18]. С. Шульц определил человеческий потенциал как «способность общества к размножению, проявление которой обусловлено конкретным уровнем рождаемости и смертности при элиминировании каких-либо побочных факторов» [3, с. 120].

Позднее были сформулированы различные дефиниции демографического потенциала с учетом влияния на него множества факторов: жизненный потенциал (Л. Херш), репродуктивный потенциал (Р. А. Фишер), потенциал демографического роста (П. Венсан), миграционный потенциал (Дж. Стюарт), инерция демографического роста (Н. Кейфиц). Каждая из них характеризует воздействие конкретного фактора на формирование человеческого потенциала и является его составным элементом.

Единый подход к пониманию демографического потенциала отражен в докторской диссертации Д. М. Эдиева, который предлагает рассматривать данный термин с нескольких сторон. На микроуровне демографический потенциал – это некие возможности, заложенные в ожидаемом потомстве и присущие отдельному человеку, на макроуровне – показатель, удовлетворяющий определенным, заранее заданным аксиоматическим требованиям при отсутствии внешних воздействий, нарушающих режим воспроизводства населения.

Многие ученые трактуют демографический потенциал исходя из темы и объекта исследования. Появляются определения демографического потенциала отдельного вида деятельности, социально-демографической группы, конкретной территории. Так, С. А. Сукнева под демографическим потенциалом воспроизводства населения региона понимает совокупные способности к воспроизводству населения, заложенные в его структуре и обусловленные демографическим поведением, а также находящиеся под воздействием социально-экономической политики региона². О. И. Евсеенко рассматривает демографический потенциал региона как количественно-качественную категорию, которая включает в себя резервы роста населения за счет ресурсов его демографической структуры и возможности ее развития при условии использования всех свойств населения.

Дефиниции человеческого потенциала отличаются также набором демографических процессов, входящих в его структуру. Сторонники узкого подхода основываются на суждении о том, что демографический потенциал охватывает только изменения рождаемости и смертности (В. А. Ионцев, Н. А. Волгин, Д. П. Журавский). В соответствии с широким подходом демографический потенциал включает в себя как естественное воспроизводство, так и миграцию. В этом смысле заслуживает внимания точка зрения А. Г. Вишневого, который полагал, что демографический потенциал – это многогранное понятие, характеризующееся такими показателями, как естественный и миграционный прирост, численность и возрастная структура населения, демографическое старение и т. д. [4, с. 69]. Д. Д. Фаузер трактует этот термин как «возможности количественного изменения населения в результате взаимодействия естественного и миграционного движений» [5, с. 106].

Белорусские ученые (Л. Е. Тихонова, А. А. Раков, Л. П. Шахотко и др.) исследуют проблему определения данного понятия, компоненты и факторы демографического потенциала, его влияние на социально-экономическое развитие страны и ее регионов и др. [6–8].

По мнению авторов настоящей статьи, не менее важно установить тенденции формирования демографического потенциала белорусского села. Для этого была проанализирована динамика показателей рождаемости, смертности и воспроизводства населения.

¹Эдиев Д. М. Теория и приложения демографических потенциалов : автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук : 05.13.18. М., 2008. С. 18.

²Сукнева С. А. Демографический потенциал воспроизводства северного региона: на примере республики Саха (Якутия) : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. М., 2011. С. 16.

³Евсеенко О. И. Методологические основы оценки демографического потенциала региона : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2002. С. 12.

Методика исследования

В работе представлен статический анализ официальных данных Национального статистического комитета Республики Беларусь⁴. К первичным показателям относятся абсолютная численность сельского населения, количество рождений и смертей, коэффициенты прибытия и выбытия, а также естественный прирост. На их основе рассчитаны относительные показатели (общий и суммарный коэффициенты рождаемости, доля внебрачных рождений, коэффициент смертности и естественного прироста, соотношение полов), которые позволяют всесторонне охарактеризовать динамику социально-демографических процессов. Авторы настоящей статьи применяют относительный показатель воспроизводства населения, который дает интегральную оценку рождаемости и смертности. Значение показателя может изменяться от бесконечности (если показатель рождаемости равен 0) до 1 (если показатель смертности равен 0). Нулевое значение показателя характерно для простого режима воспроизводства населения, отрицательное значение – для суженного.

Результаты и их обсуждение

С 1990 г. численность сельского населения Беларуси претерпела серьезные изменения⁵ (рис. 1).

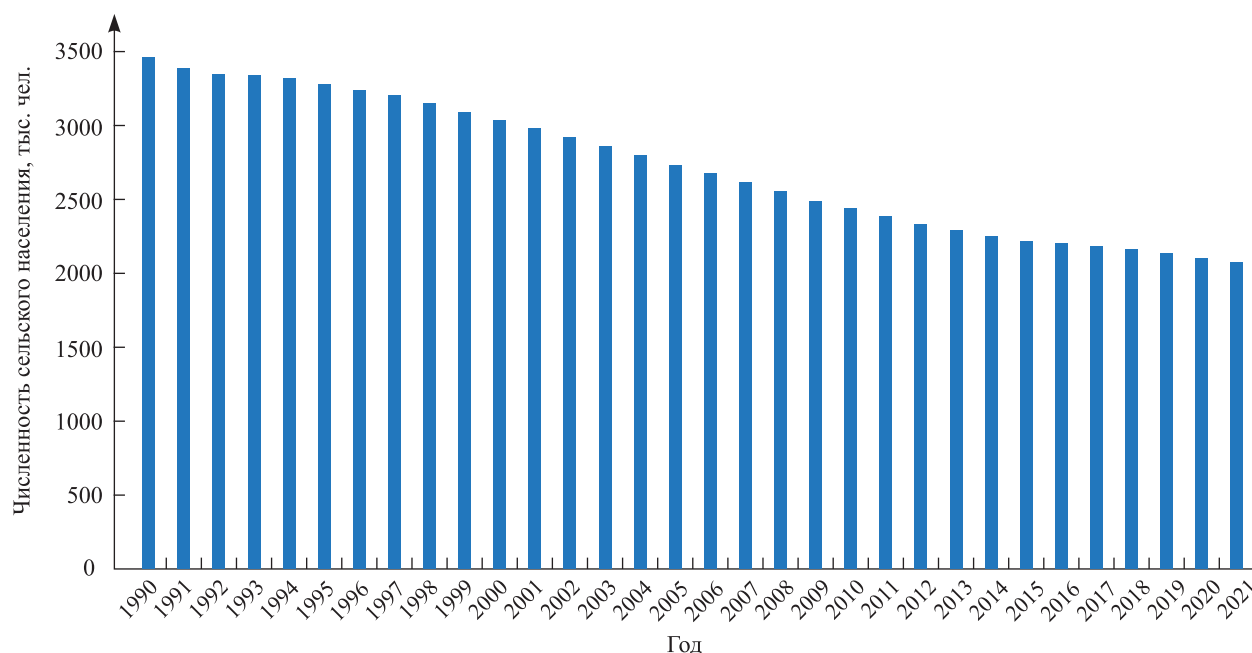

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Беларуси в 1990–2021 гг.

Fig. 1. Dynamics of the rural population of Belarus in 1990–2021

Как видно, количество сельских жителей ежегодно сокращается. С 1990 по 2021 г. общая убыль составила почти 1,39 млн человек, или 40,1 %, при этом наибольшие потери сельского населения относятся к 2000–2010 гг. За исследуемый период доля жителей белорусского села от общей численности населения снизилась с 33,9 до 22,1 %. В настоящее время на 10 сельских жителей Беларуси приходится примерно 35 горожан.

Интерес представляет оценка составляющих зарегистрированной убыли сельского населения (рис. 2).

С 2000 по 2012 г. ежегодно численность сельского населения Беларуси сокращалась более чем на 50 тыс. человек (за исключением 2000 и 2010 гг., когда она уменьшилась на 48,6 и 46,3 тыс. человек соответственно). В 2012 г. была зафиксирована наибольшая убыль жителей белорусского села (66,7 тыс.

⁴ Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 429 с. ; Число населенных пунктов, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, и численность проживающего в них населения по Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/godovye-dannye/> (дата обращения: 13.08.2021) ; Регионы Республики Беларусь: стат. сб. Т. 1. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. 776 с.

⁵ Все рисунки составлены на основе: Демографический ежегодник Республики Беларусь... 429 с. ; Число населенных пунктов, расположенных в зонах радиоактивного загрязнения, и численность проживающего в них населения по Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/godovye-dannye/> (дата обращения: 13.08.2021) ; Регионы Республики Беларусь... 776 с.

человек). С 2013 по 2017 г. в связи с истощением демографической базы села потери снизились, однако уже в 2018 г. они возобновились (26,5 тыс. человек).

Уменьшение численности белорусских сельчан во многом обусловлено естественной убылью. В 2012 г. потери за счет отрицательного сальдо миграции составляли 56 % от общего сокращения численности сельского населения. В 2008 и 2009 гг. миграционная и естественная составляющие оказали примерно равное влияние на уменьшение численности сельских жителей. Только в 2015 и 2016 гг. был зафиксирован миграционный прирост населения, что прежде всего связано с притоком в страну украинцев.

На рис. 3 представлены данные о количестве рождений и смертей в сельской местности Беларуси.

С 2000 по 2016 г. количество рождений сельских жителей колебалось в пределах от 23,6 до 27,5 тыс. человек в год. С 2017 г. отмечался спад численности новорожденных, и в 2019 г. данный показатель достиг минимума (20 550 человек, что на 4900 человек ниже, чем в 2000 г.). Что касается динамики смертности, то до 2002 г. количество смертей сельских жителей увеличивалось, однако в последующие годы оно сократилось.

Данные показатели дают только первое представление о таких демографических показателях, как рождаемость и смертность, и зависят от численности и структуры населения. На рис. 4 приведены общие коэффициенты рождаемости и смертности для сельского населения Беларуси.

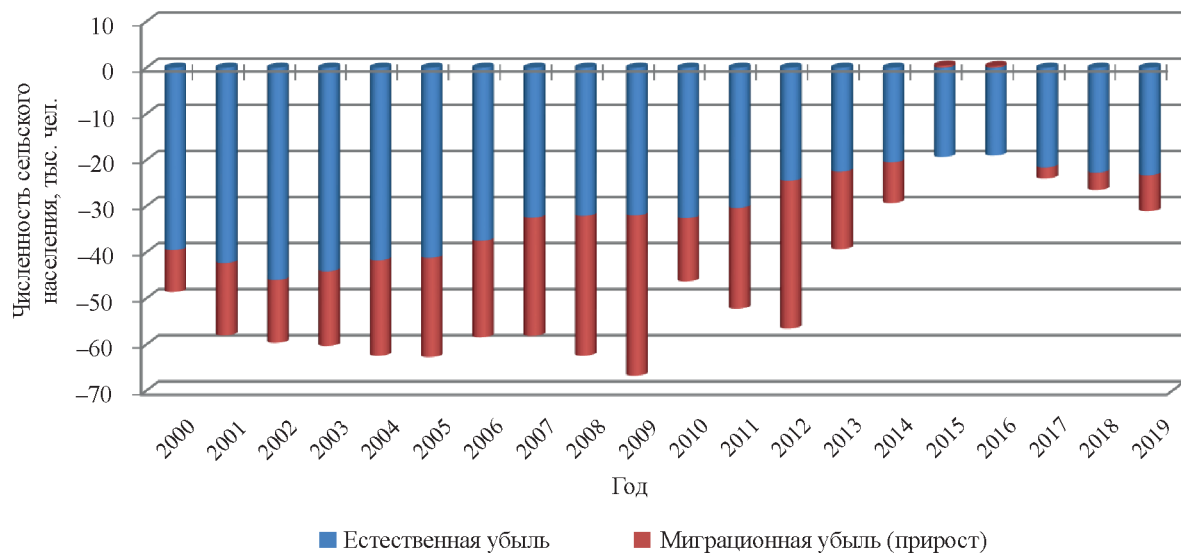

Рис. 2. Компоненты изменения численности сельского населения Беларуси в 2000–2019 гг.

Fig. 2. Components of the change in the number of rural population of Belarus in 2000–2019

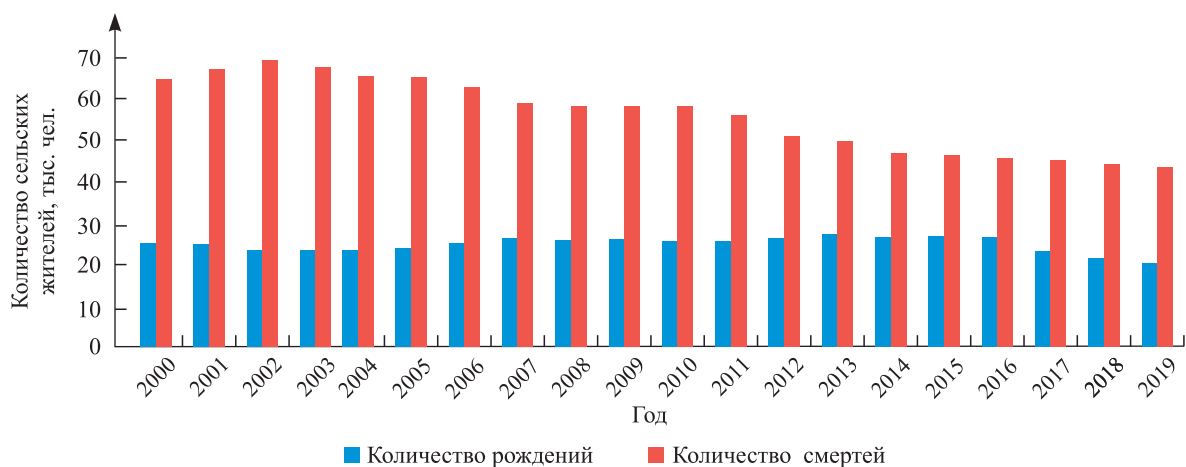

Рис. 3. Динамика количества рождений и смертей в сельской местности Беларуси в 2000–2019 гг.

Fig. 3. Dynamics of the number of births and deaths in rural areas of Belarus in 2000–2019

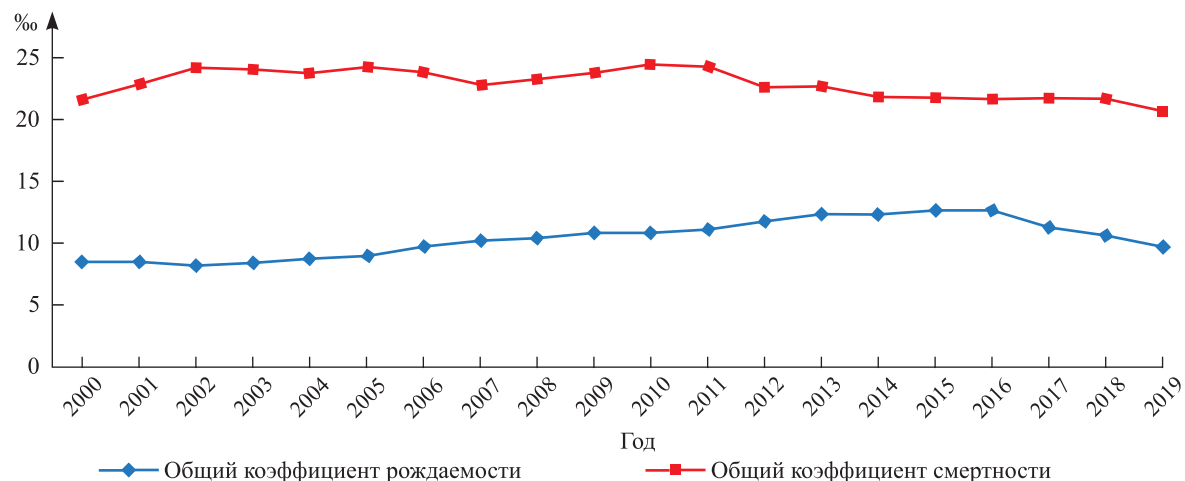

Рис. 4. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в сельской местности Беларуси в 2000–2019 гг.

Fig. 4. Dynamics of total fertility rates and rates in rural areas of Belarus in 2000–2019

С 2000 по 2016 г. общий коэффициент рождаемости сельских жителей Беларуси повысился на фоне как увеличения абсолютного числа рождений (с незначительными колебаниями по отдельным годам), так и постоянного сокращения численности сельского населения. Нельзя забывать о том, что в 2000-х гг. в активный репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение белорусов, рожденных в 1980-х гг., и это во многом обусловило увеличение количества новорожденных. С 2017 г. общий коэффициент рождаемости снижался в связи с сокращением количества рождений в сельской местности. В 2019 г. на 10 000 сельских жителей приходились 97 рожденных детей.

На протяжении анализируемого периода уровень смертности сельчан находился в пределах 20,7–24,4 ‰. До 2010 г. общий коэффициент смертности в сельской местности увеличивался (с незначительными колебаниями по отдельным годам), однако с 2011 г. наблюдался его спад, который в 2019 г. достиг своего минимума (20,7 ‰). Общий коэффициент смертности в сельской местности примерно в 2 раза превысил аналогичный показатель для города.

Суммарный коэффициент рождаемости, или коэффициент фертильности, — один из основныхкумулятивных показателей рождаемости, свободный от влияния возрастной структуры и отражающий уровень чистой интенсивности рождаемости для условного поколения (рис. 5).

Этот показатель отражает среднее число детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста в условном поколении. При вычислении суммарного коэффициента рождаемости учитывается сложившаяся интенсивность повозрастных коэффициентов рождаемости и предполагается, что каждая женщина доживет до конца репродуктивного периода. С 2000 по 2005 г. значения данного показателя снижались, затем вплоть до 2016 г. росли и в 2017–2018 гг. снова уменьшались.

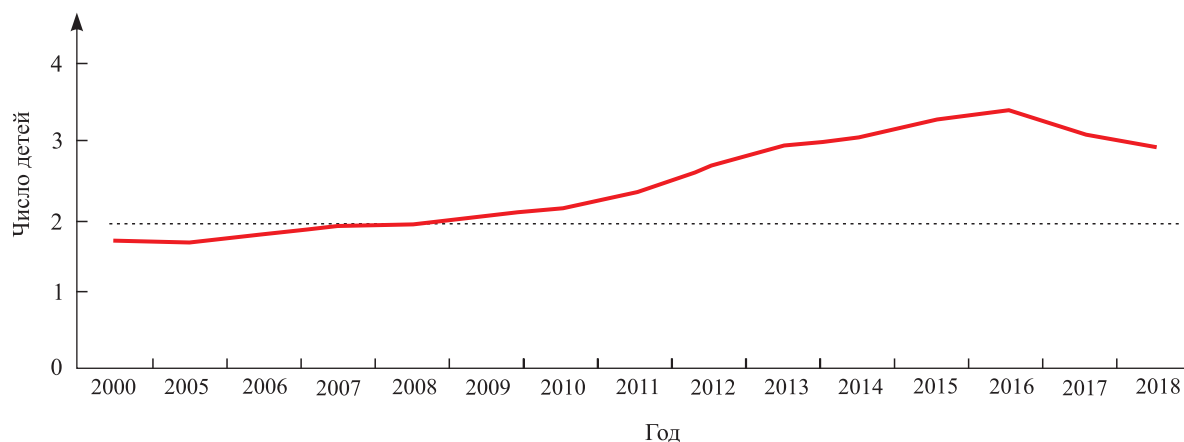

Рис. 5. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в сельской местности Беларуси в 2000–2018 гг.

Fig. 5. Dynamics of total fertility rates in rural areas of Belarus in 2000–2018

Следует отметить, что коэффициент фертильности сельских женщин значительно выше, чем у городских, причем с каждым годом расхождение в абсолютных значениях увеличивается. Так, в 2000 г. в сельской местности количество рождений в расчете на одну женщину было на 0,5 больше, чем в городской, а в 2018 г. – на 1,6 (в 4 раза) больше.

Для режима простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости должен быть не ниже 2,15. Это минимальный уровень, позволяющий при относительно низком показателе смертности сохранить численность населения неизменной. На рис. 5 пунктирной линией обозначено значение коэффициента, равное 2,15. На протяжении 2000–2010 гг. коэффициент фертильности в сельской местности не обеспечивал режим простого воспроизводства населения. В 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости сельских женщин превысил предельный уровень и в 2016 г. достиг максимального значения (3,381).

Рождаемость населения можно рассматривать по отношению к различным группам женщин. В этом отношении важным является их семейное положение, поэтому целесообразно исследовать уровень внебрачной рождаемости как один из индикаторов состояния семьи. На рис. 6 представлены данные о доле внебрачных рождений для сельского населения.

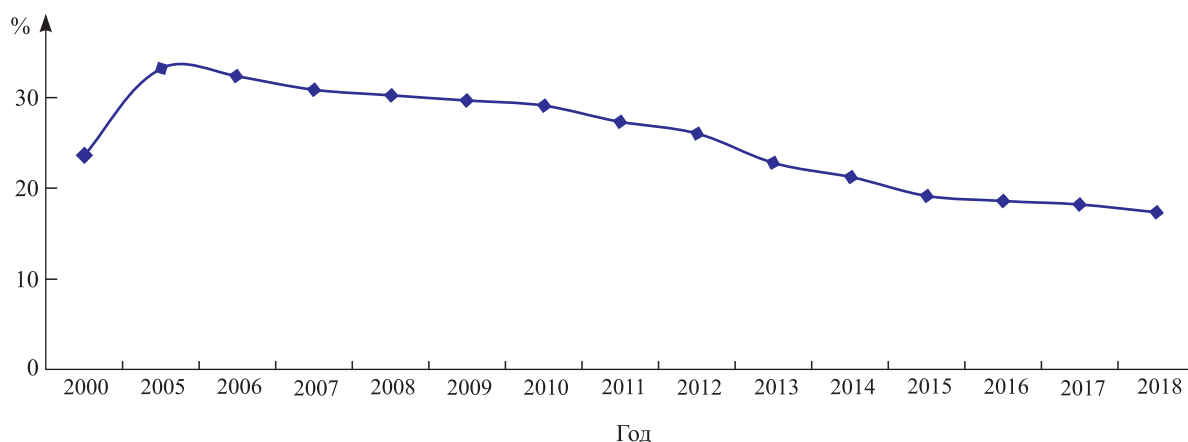

Рис. 6. Динамика доли внебрачных детей от общего количества детей, рожденных в городской и сельской местности Беларуси в 2000–2018 гг.

Fig. 6. Dynamics of the share of illegitimate births in the total number of children born in urban and rural areas of Belarus in 2000–2018

Очевидно, что 2000-е гг. – это период наиболее высокой внебрачной рождаемости. В 2005 г. в сельской местности этот показатель достигал 33 %, т. е. каждый третий сельский ребенок рождался у женщины, не состоящей в зарегистрированном браке. Однако впоследствии число внебрачных рождений уменьшилось, что может свидетельствовать о повышении ценности семьи в обществе, нормализации брачно-семейных отношений. Несмотря на это, в селе почти каждый 6-й ребенок рождается вне брака, следовательно, данный показатель еще может сокращаться.

Помимо характеристики рождаемости сельского населения важно установить, какова динамика числа рожденных мальчиков и девочек (рис. 7).

Можно заметить, что ежегодно мальчиков рождается больше, чем девочек. Это подтверждает динамика показателя соотношения полов. Данный коэффициент является биологической константой и составляет примерно 1,05–1,06. Иными словами, на 100 девочек приходятся 105–106 мальчиков. В сельской местности выдерживается данный уровень показателя, что говорит о том, что на структуру сельского населения Беларуси половые различия в рождаемости не влияют.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – агрегированный показатель смертности, учитывающий возрастную структуру населения. Данный показатель представляет собой среднее ожидаемое число лет жизни при рождении с учетом сохранения во времени уровня повозрастных коэффициентов смертности. Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении является единственным демографическим показателем, используемым при расчете обобщающего показателя оценки уровня социально-экономического развития страны – а человеческого развития. На рис. 8 отражена его динамика для половых групп сельского населения Беларуси.

В 2002 г. было зафиксировано минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении: 58,5 года для мужчин, 71,9 года для женщин. В дальнейшем значения данного показателя растут, что свидетельствует об улучшении условий жизни и медицинского обслуживания. Однако следует упомянуть о том, что с 1970 г. сельская местность имеет более низкие значения ожидаемой продолжительности жизни по сравнению с городом.

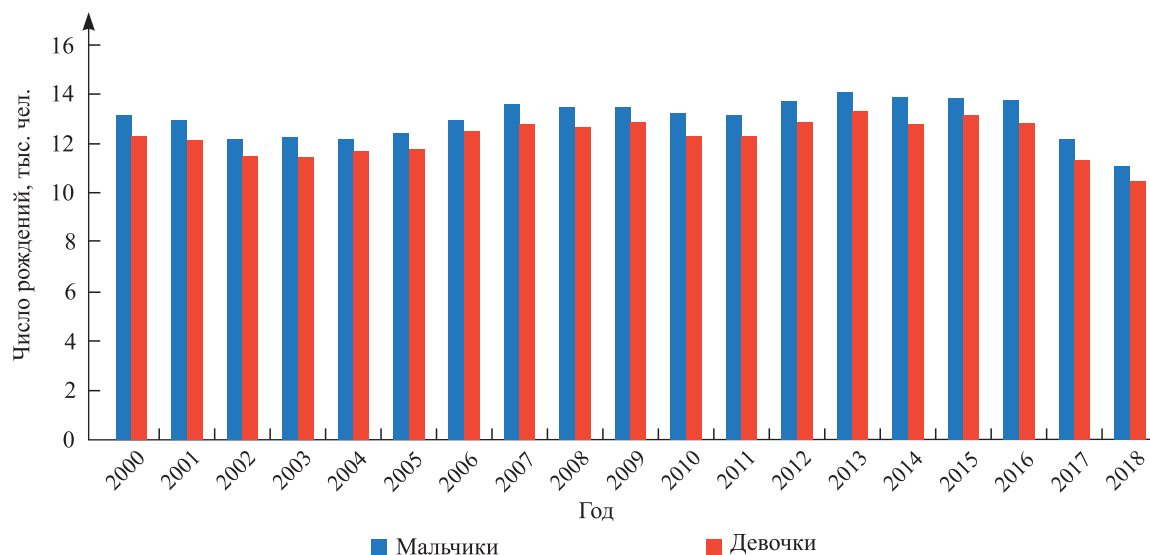

Рис. 7. Динамика числа рожденных мальчиков и девочек в сельской местности Беларуси в 2000–2018 гг.

Fig. 7. Dynamics of the number of boys and girls born in rural areas Belarus in 2000–2018

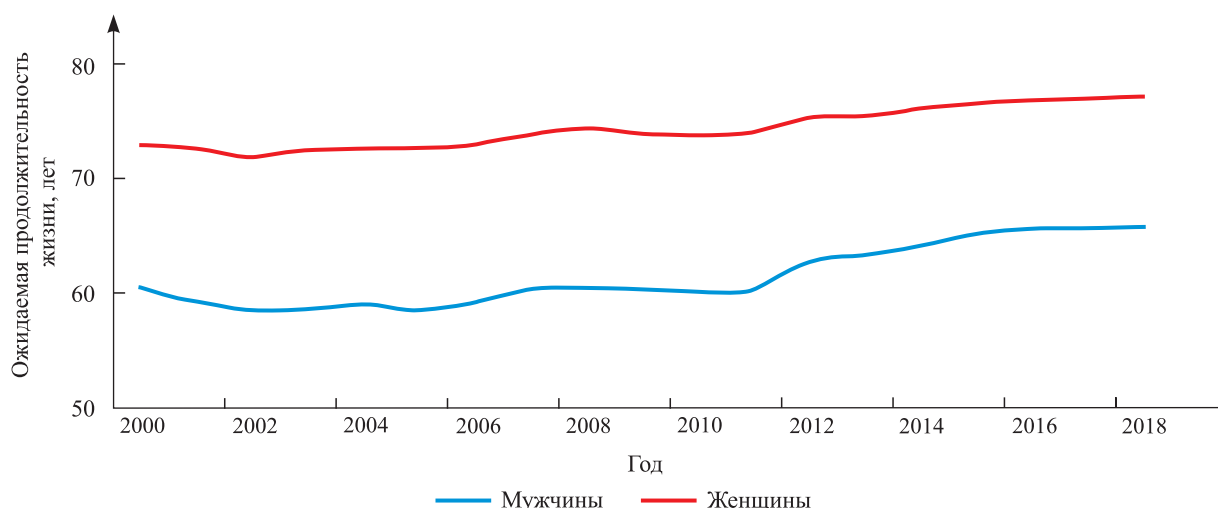

Рис. 8. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении сельских мужчин и женщин Беларуси в 2000–2018 гг.

Fig. 8. Dynamics of life expectancy at birth of rural men and women of Belarus in 2000–2018

Из рис. 8 следует, что мужчины имеют более низкий уровень прогнозируемой при рождении длительности жизни. В 2000 г. в сельской местности разрыв между показателями ожидаемой продолжительности жизни при рождении для мужчин и женщин, или гендерный гэп, составлял 12,5 года. Впоследствии до 2005 г. происходил рост названного показателя, сменившийся его постепенным спадом. Так, в 2018 г. гендерный гэп для сельского населения составлял 11,4 года. Как видно, несмотря на сокращение разницы в ожидаемой продолжительности жизни при рождении между полами, уровень гендерного гэпа остается достаточно высоким.

На рис. 9 представлена динамика коэффициента естественного прироста (убыли) сельского населения Беларуси.

На протяжении анализируемого периода в сельской местности наблюдается естественная убыль населения. В 2000-х гг. зафиксирована наибольшая убыль сельских жителей, а в 2016 г. – наименьшая (8,9 ‰). В 2017–2019 гг. в связи с сокращением уровня рождаемости в селе данный показатель повышается.

Авторы настоящей статьи предлагают новый показатель – относительный коэффициент воспроизводства населения, который дает общее представление об изменении численности населения в результате рождаемости и смертности и представляет собой отношение разницы между показателями рождаемости и смертности к показателю рождаемости. На рис. 10 представлена динамика данного коэффициента с 2010 по 2019 г.

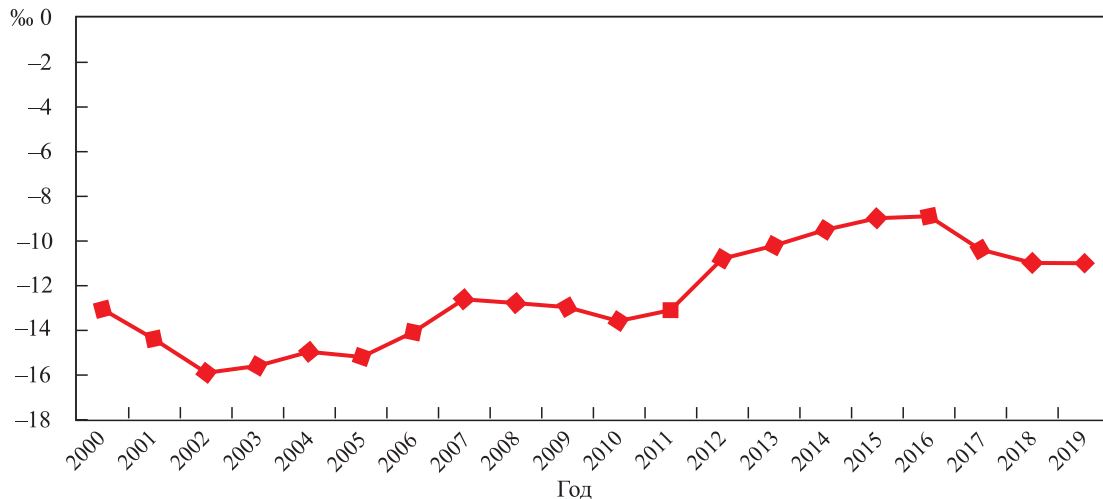

Рис. 9. Динамика общего коэффициента естественного прироста (убыли) в сельской местности Беларуси в 2000–2019 гг.

Fig. 9. Dynamics of the total coefficient of natural growth (loss) in rural areas of Belarus in 2000–2019

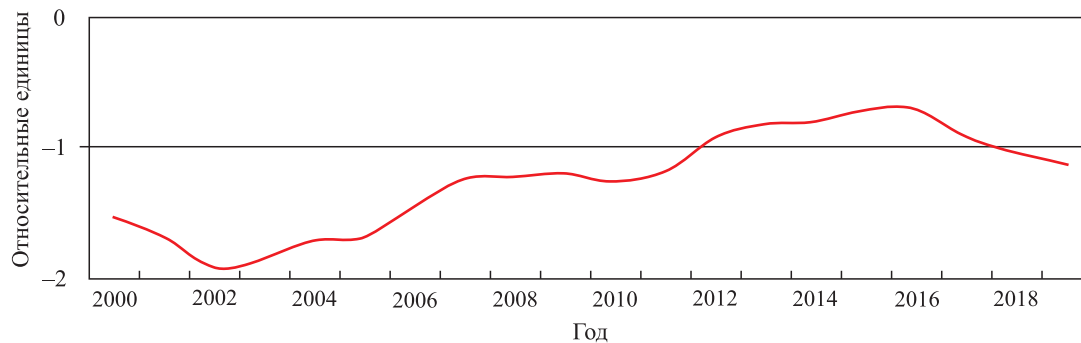

Рис. 10. Динамика относительного коэффициента воспроизводства населения в 2000–2018 гг.

Fig. 10. Dynamics of the relative coefficient of population reproduction in 2000–2018

Как видно, значения относительного коэффициента воспроизводства населения отрицательные. Это свидетельствует о суженном режиме воспроизводства населения в сельской местности, который приводит к сокращению численности сельчан под воздействием более высокого уровня смертности по сравнению с уровнем рождаемости.

В данном случае сокращение отрицательных значений коэффициента воспроизводства населения – положительная тенденция, однако с 2017 г. значения данного показателя растут. Следовательно, несмотря на то что суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности уже с 2011 г. превышает границу простого воспроизводства населения (2,15), под воздействием высокого уровня смертности достичь его невозможно.

Таким образом, численность сельского населения, особенно среди мужчин, и величина демографического потенциала сокращаются из-за высокого уровня смертности.

В результате изучения динамики миграционных процессов сельской местности установлено, что отток населения интенсивнее его притока, о чем свидетельствуют отрицательные значения как абсолютного, так и относительного показателей сальдо миграции. Это указывает на низкую привлекательность сельской местности в качестве места проживания. В последние годы значения коэффициентов притока и оттока сельского населения сближаются, в результате чего уровень коэффициента сальдо миграции снижается. Коэффициент миграционных потерь достигает более низкого уровня по сравнению с коэффициентом естественной убыли. С 2014 г. коэффициент миграционного оборота, отражающий миграционную активность населения, стабилизируется. В среднем из 1000 сельских жителей в миграционном процессе участвуют 67–68 человек. Выделяются группы возрастов, для которых характерен наиболее высокий миграционный отток из села. Прежде всего это люди в возрасте 15–19 лет, т. е. те, кто окончил среднюю школу. Если обратиться к годовым данным по числу выбывших из сельской местности, то повышение

миграционной активности отмечается для людей в возрасте 15 и 17–18 лет. Часть школьников после окончания 9-го класса переезжают в город для поступления в колледжи и техникумы. Еще большее количество молодых людей после окончания 11-го класса покидают село в целях получения высшего образования. Второе место по уровню интенсивности отрицательного сальдо миграции занимают люди в возрасте 25–29 лет. Специалисты после отработки обязательного распределения, а также молодые семьи, имеющие перспективы получения жилья, возвращаются в город. Что касается людей более старшего возраста (35–40 лет), то знак сальдо миграции в сельскую местность меняется на противоположный, приток превышает отток.

Динамика сальдо миграции в сельскую местность для мужчин и женщин примерно одинакова. Следует отметить, что величина сальдо миграции по модулю с 10 до 40 лет выше у женщин, позднее у мужчин.

Очевидно, что существующие тенденции миграции сельского населения отрицательно сказываются на формировании демографического потенциала села.

Заключение

На формирование демографического потенциала сельской местности негативно влияют высокий уровень смертности и отрицательное сальдо миграции, под действием которых число сельских жителей сокращается. Это приводит к запустению поселений, негативно сказывается на трудоспособности и брачной структуре населения. По мнению авторов данной статьи, для решения указанных проблем нужно провести комплекс мероприятий по уменьшению уровня смертности, направленных на улучшение качества и доступности медицинской помощи, популяризацию здорового образа жизни, стимулирование притока граждан в село:

- организовать регулярные посещения узких специалистов здравоохранения из районных и областных центров;
- обеспечить контроль за прохождением ежегодной диспансеризации со стороны врачей общей практики и фельдшеров;
- распространять информационные материалы об оказании доврачебной помощи и самопомощи в случаях сердечных приступов и гипертонических кризов;
- контролировать состояние лиц, имеющих хронические заболевания;
- обеспечить профилактику инфекционных заболеваний путем регулярной своевременной вакцинации населения;
- создать спортивные объекты, в том числе уличные тренажеры;
- своевременно выявлять лиц, склонных к алкоголизму, наркомании, табакокурению, и информировать их о последствиях вредных привычек;
- проводить агитационную работу о необходимости ведения здорового образа жизни и искоренения вредных привычек (в том числе на рабочих местах), а также по вопросам планирования семьи;
- расширять внешкольные виды активности для детей;
- организовать перемещение детей в школьные и дошкольные учреждения в случае их нахождения в других населенных пунктах;
- расширять виды занятости и т. д.

Библиографические ссылки

1. Лин СД. Направления использования трудовых ресурсов сельской местности Беларуси. В: Цыбковский ВЛ, редактор. *Повышение эффективности управленческой деятельности по формированию условий, благоприятствующих развитию малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь. Материалы XVI Международной научно-практической конференции; 14 мая 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Ковчег; 2019. с. 125–127.
2. Рыбаковский ОЛ, Таюнова ОА. Демографический потенциал: из истории понятия. *Народонаселение*. 2019;22(2):17–25. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00012.
3. Пирожков СИ. *Трудовой потенциал в демографическом измерении*. Киев: Наукова думка; 1992. 177 с.
4. Вишневский АГ, Васин СА, Зайончковская ЖА. Демографический и трудовой потенциал населения России. В: Львов ДС, редактор. *Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики)*. Москва: Экономика; 1999. 181 с.
5. Фаузер ВВ. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми. *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2010;1(1):105–111.
6. Солодовников СЮ, Кузьмицкая ТВ, Раков АА, Раков ЮА, Рогатко ДА, Черныш СЛ и др. *Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации*. Солодовников СЮ, редактор. Минск: Право и экономика; 2006. 396 с.
7. Тихонова ЛЕ, Фокеева ЛВ. *Демографический потенциал Республики Беларусь: анализ и перспективы развития*. Минск: БГУ; 2015. 200 с.
8. Смирнова РА, Кузьменко ТВ, Шавель СА, Раков АА, Леонов НН, Шухатович ВР и др. *Человеческий потенциал белорусской деревни*. Смирнова РА, редактор. Минск: Беларуская навука; 2009. 376 с.

References

1. Lin SD. [Directions of the use of labour resources in rural areas of Belarus]. In: Tsybkovskii VL, editor. *Povyshenie effektivnosti upravlencheskoi deyatel'nosti po formirovaniyu uslovii, blagopriyatstvuyushchikh razvitiyu malogo i srednego biznesa v Respublike Belarus'*. *Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 14 maya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Increasing the efficiency of management activities to create conditions conducive to the development of small and medium-sized businesses in the Republic of Belarus. Proceedings of the 16th International scientific and practical conference; 2019 May 14; Minsk, Belarus]. Minsk: Kovcheg; 2019. p. 125–127. Russian.
2. Rybakovsky OL, Tayunova OA. Demographic potential: from the history of the concept. *Population*. 2019;22(2):17–25. Russian. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00012.
3. Pirozhkov SI. *Trudovoi potentsial v demograficheskom izmerenii* [Labour potential in the demographic dimension]. Kiev: Naukova dumka; 1992. 177 p. Russian.
4. Vishnevskii AG, Vasin SA, Zaionchkovskaya ZhA. [Demographic and labour potential of the population of Russia]. In: L'vov DS, editor. *Put' v XXI vek (strategicheskie problemy i perspektivy rossiiskoi ekonomiki)* [Path to the 21st century (strategic problems and prospects of the Russian economy)]. Moscow: Ekonomika; 1999. 181 p. Russian.
5. Fauzer VV. Estimation of demographic and labour potential of the Komi Republic. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2010;1(1):105–111. Russian.
6. Solodovnikov SYu, Kuz'mitskaya TV, Rakov AA, Rakov YuA, Rogatko DA, Chernysh SL, et al. *Demograficheskii potentsial, chelovecheskii i sotsial'nyi kapital v usloviakh globalizatsii* [Demographic potential, human and social capital in the context of globalisation]. Solodovnikov SYu, editor. Minsk: Pravo i ekonomika; 2006. 396 p. Russian.
7. Tikhonova LE, Fokeeva LV. *Demograficheskii potentsial Respubliki Belarus': analiz i perspektivy razvitiya* [Demographic potential of the Republic of Belarus: analysis and development prospects]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 200 p. Russian.
8. Smirnova RA, Kuz'menko TV, Shavel' SA, Rakov AA, Leonov NN, Shukhatovich VR, et al. *Chelovecheskii potentsial belorusskoi derevni* [Human potential of the Belarusian village]. Smirnova RA, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2009. 376 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 17.10.2021.
Received by editorial board 17.10.2021.